

Верещагин полагает, что судебная реформа 1864 г. ограничила prerogatives монарха в важной области управления, а кассационная деятельность Сената свидетельствовала о росте правосознания в России и обостряла противоречия внутри самодержавного строя. Способствовала этому и адвокатская корпорация, представители которой порою воспринимали свой труд как исполнение некоей миссии (с. 105).

Автор справедливо указывает на то, что «после введения Судебных уставов не на словах, а на деле было достигнуто равенство перед законом» (с. 83). Однако парадокс социального развития заключался в том, что оно насаждалось при сохранении крайнего неравенства в других сферах жизни. И тут Россия не отличалась от других империй, которые «поощряли определённое равенство на фоне различных видов неравенства»¹¹.

Благодаря исследованию Верещагина Сенат и судейский мир станут понятнее для читателей. Их эволюция являлась своеобразным мерилom готовности политической системы к модернизации, публичности и конкурентности. Сохранив верность букве закона даже в прокрустовом ложе неограниченной монархии, сенаторы установили высокую планку политико-правовых требований к государству. Её несоответствие характеру общественных отношений, проявившееся в начале XX в., являлось красноречивым предупреждением самодержавию, которому история оставляла катастрофически мало времени для обновления.

Татьяна Борисова: Правительствующий Сенат после судебной реформы 1864 г.¹²

Tatiana Borisova (European University at Saint Petersburg, Russia; HSE University, Saint Petersburg, Russia): The Governing Senate after the judicial reform of 1864

DOI: 10.31857/S2949124X24060208, EDN: RKYFVN

В июне 1891 г., узнав о назначении А.Ф. Кони сенатором, В.П. Буренин припомнил в едкой эпиграмме, как в Древнем Риме «в Сенат коня Калигула привёл». Анатолий Фёдорович будто бы ответил на этот выпад, обыгрывая басню Ж. Лафонтена «Осёл, одетый в шкуру Льва»: «Ведь то прогресс, что нынче Кони, / Где раньше были лишь ослы»¹³. К тому времени прошло уже более шести лет, как он служил в должности обер-прокурора Уголовного кассационного департамента (УКД) Сената. Ради неё Кони оставил председательское кресло в гражданском отделении Санкт-Петербургской судебной палаты, пожертвовав правом несменяемости и рискуя увольнением за строптивый характер. Полгода спустя он с энтузиазмом делился с П.Д. Боборыкиным своими чувствами: «Дело интересное, живое и наполняет моё время всецело. Старая петровская закваска ещё живёт в Сенате и делает это учреждение одним из “государственных тел”, которое при некоторой энергии может благотворно влиять на порядочливое от-

¹¹ Кирмзе Ш.Б. Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в поздней имперской России. М., 2023. С. 26.

¹² Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX — начало XX в.)».

¹³ Смоларчук В.И. Анатолий Фёдорович Кони (1844–1927). М., 1981. С. 121.

правление правосудия и правильное толкование закона»¹⁴. Однако усталость от изнурительного труда быстро нарастала и вынудила его, ввиду намечавшейся замены министра, самому просить об отставке, которая и была ему дана вместе с производством в тайные советники и повелением присутствовать в Сенате уже в качестве полноправного члена¹⁵. Правда, в 1892–1896 гг. Кони вновь пришлось вернуться к исполнению обер-прокурорских обязанностей, наряду с сенаторскими, в том же УКД¹⁶. Так или иначе, опыт Кони явно не соответствовал расхожему представлению о сенаторах как почтенных и не всегда компетентных стариках в красно-золотых мундирах при звёздах и лентах. А книга А.Н. Верещагина и вовсе разрушает данный историографический стереотип.

В своей обширной монографии известный историк и правовед прослеживает утверждение самостоятельной судебной власти в последние полвека существования Российской империи, уделяя основное внимание трансформации роли Сената, получившего значение высшей кассационной инстанции, и профессионализации правосудия во второй половине XIX – начале XX в. В чём-то опираясь на юбилейный труд 1911 г. и монографию У. Вагнера о Гражданском кассационном департаменте (ГКД) Сената¹⁷, Верещагин выходит за рамки собственно истории государственного учреждения, освещая как отдельные эпизоды, так и общие черты, характерные для судебной практики, правительственной политики и общественной мысли пореформенного времени. При этом он широко использует сами сенатские решения, законодательные акты, делопроизводственные материалы, мемуаристику и публикации в периодической (и прежде всего юридической) печати. Большим достоинством фундаментальной работы Верещагина является то, что российские реалии трансформации судебных учреждений рассматриваются в ней в сравнении с синхронными процессами и порядками в европейских государствах.

Монография существенно дополняет историю судебной реформы, раскрывая её через призму «яркой полувековой биографии» Кассационного Сената (с. 4). Действительно, высший судебный орган так или иначе затрагивал все стороны эволюции пореформенного правосудия. Основной тезис, который автор вполне убедительно развивает в своём труде, состоит в том, что после реформы 1864 г. принцип верховенства права и независимости судей существенно ограничил самодержавие императора в сфере судопроизводства. Показательно, что «за всё время применения Судебных уставов не было ни единого случая, чтобы решение суда, вынесенное по этим уставам, было отменено или изменено на основании высочайшего повеления» (с. 189).

В отличие от тех современных историков, которые исследуют явления и тенденции, проходящие сквозь такие разрывы и развилки отечественной истории, как петровские преобразования, Великие реформы 1860–1870-х гг. и революции начала XX в.¹⁸, Верещагин, напротив, пишет о радикальной но-

¹⁴ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т. 8 / Под ред. В.Н. Баскакова. М., 1969. С. 81.

¹⁵ Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов 1711–1917 гг. Материалы для биографий / Публ. Д.Н. Шилова. СПб., 2011. С. 215.

¹⁶ Кони А.Ф. Триумвиры // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т. 2 / Под ред. С.С. Волка. М., 1966. С. 316–328.

¹⁷ История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 гг. Т. 1–5. СПб., 1911; Wagner W.G. Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.

¹⁸ См., в частности: Акелев Е. Режимы публичности и верховная власть в Московском царстве и Российской империи // Cahiers du monde russe. Vol. 62. 2021. № 4. P. 785–814, Borisova T.,

визне Судебных уставов 1864 г. (с. 33) и о «катастрофе» 1917 г., когда накопленный Сенатом «опыт судебного строительства и судебного нормотворчества был разом перечёркнут и в целом забыт» (с. 529). Говоря об институтах, возникших при Александре II, исследователь считает, что, «в сущности, само слово “реформа” можно применить к произошедшему только условно: настоящая реформа предполагает *преобразование* существующего, тогда как революция означает его *разрушение*. Здесь же не было ни того, ни другого: существующее здание не подвергалось ни разрушению, ни перестройке, а было аккуратно разобрано и тут же, без пыли и шума, заменено абсолютно другим» (с. 33).

Не случайно, следуя за источниками, автор часто прибегает к метафоре «возведения» новых государственных структур. Но ведь функционирование государства по-своему передают и другие образы, например, «машины», «архива» или «процесса движения бумаг»¹⁹. Историки и антропологи всё чаще размышляют о том, с какой целью документировалась работа государства, кому и что показывали производимые чиновниками тексты, зачем они хранились. Верещагин далёк от этой проблематики. Вместе с героями своей монографии он воссоздаёт «строение» пореформенного Сената, доказывая, что каждодневная работа кассационных департаментов свидетельствовала о высоком потенциале российской юриспруденции и последовательном утверждении без каких-либо «контрреформ» власти профессиональных юристов. Тем самым автор оспаривает распространённые представления о критическом дефиците в России правового сознания и необходимой для его развития институциональной базы²⁰. Однако хотелось бы знать, как соотносится изображённая им картина, например, с плачевным состоянием административной юстиции²¹?

Эмоциональность отдельных высказываний и оценок, присущая книге Верещагина и переходящая порою в раздражение и несдержанную полемику с коллегами, к сожалению, мешают осмыслению авторских наблюдений. Между тем очевидно, что критического отношения заслуживают не только исследовательские предрассудки и клише, наверное, неизбежные, но и свидетельства самих исторических деятелей, не исключая юристов, которые в пылу политической борьбы не раз выступали пристрастными оппонентами органов власти, особенно в период Думской монархии²².

В целом же, монография А.Н. Верещагина — серьёзный труд, в котором историки найдут неизбитые свидетельства источников, глубокий анализ судебной практики и законодательства, а также обильную пищу для размышлений о праве и его роли в России — как в прошлом, так и в настоящем.

Burbank J. Russia's Legal Trajectories // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 19. 2018. № 3. P. 469–508.

¹⁹ Stollberg-Rilinger B. Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats. Berlin, 1986; Stoler A.L. Colonial archives and the arts of governance // Archival science. 2002. Vol. 2. P. 87–109; Hull M. Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan. Berkeley, 2012.

²⁰ Энгельштейн Л. «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 31–49.

²¹ Подробнее см.: Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. — октябрь 1917 г.). СПб., 2000.

²² Борисова Т.Ю. Свод законов Российской империи в 1905–1917 гг.: политическая борьба вокруг кодификации. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.